

Надежда Крюкова¹

А МУЗЫКА ЗВУЧИТ ПОНЫНЕ...

К 150-летию Сергея Никифоровича Василенко (1872-1956)

Его путь к вершинам творчества был не прост. Желания, поиски, сомнения – всё это тревожило и не давало покоя. Получится ли создать в музыкальном искусстве что-либо новое и интересное? Талант, трудолюбие, преданность выбранному делу позволили добиться многого. Жизненный путь Сергея Никифоровича Василенко стал образцом служения музыке и людям. С 1992 года его имя носит Детская школа искусств в Долгоруково Липецкой области.

Детство. Строки из «Воспоминаний» С.Н.Василенко: «Я родился в Москве 30 марта 1872 года. Отец мой, Никифор Иванович, по национальности украинец из города Городня, Черниговской губернии, происходил из дворян. Мать, Прасковья Алексеевна, была родом из Петербурга – очень образованная и добрая женщина. Я родился четвёртым ребёнком, много лет спустя после моих сестер. Нас, детей, было четверо – три сестры и я. Семья наша была дружная. Родители не жалели денег на образование детей. Сёстры, Вера, Мария и Ольга, окончили один из лучших пансионов Москвы, брали уроки музыки, живописи, пения».

Серёжа, младший в семье, был общим любимцем и баловнем. В доме царила атмосфера любви, заботы, взаимного доверия. Музыка была в обычае. Сам Никифор Иванович неплохо играл на скрипке, сёстры были хорошими пианистками, замечательно пели. Культ классической музыки в этой семье был непререкаем. У Василенко нередко собирались гости. Среди них были известные художники, писатели, артисты. Много говорили об искусстве, 1. **Крюкова Надежда Ивановна** (в девичестве Христенко) – директор Музея-усадьбы «Край Долгоруковский», созданного её отцом И.И. Христенко в райцентре Долгоруково Липецкой области (ныне филиал Липецкого краеведческого музея). Живёт в Долгоруково.

звучала восхитительная музыка. Сёстры играли произведения Моцарта, Бетховена вместе с именитыми музыкантами. Сергей всегда был увлечённым слушателем.

Родные просторы Царёвки. Никифор Иванович Василенко был человеком довольно предприимчивым. После окончания Киевского университета, он преподавал в гимназии и одновременно «подрабатывал» в местном театре суфлёром, осветителем, переписчиком ролей и даже – писцом в городской управе. Тем не менее, заработком Никифор Иванович был недоволен. Он решил расширить круг своей деятельности и устроился главным управляющим имениями крупного помещика Азанчевского. На практике усердно изучая растениеводство и животноводство, увлёкся этим занятием. Вскоре он приобрёл собственное имение в Самарской губернии, что заметно повысило благосостояние семьи. Ко времени появления на свет сына Никифор Иванович был вполне обеспеченным человеком. Когда Сергею было одиннадцать лет, отец купил имение в сельце Царёвка в Елецком уезде Орловской губернии, ранее принадлежавшее поручику Павлу Матвеевичу Муравьёву.

В исследованиях председателя Липецкого областного краеведческого общества Александра Юрьевича Клокова сказано, что на момент приобретения в имении было: «803 дес. 775 саж. земли. В их составе следующие угодья: в сельце Царёво под усадьбой 2 дес. 500 саж., сад 2 дес. 1500 саж., выгон 11 дес. 1250 саж., пахотной 709 дес. 94 саж., полевой 65 дес. 550 саж., леса 4 дес. 300 саж., неудобной 8 дес. 775 саж.».

Увидев впервые Царёвку, Сергей сразу и на всю жизнь полюбил эту землю, её природу. Спустя десятилетия в своих «Воспоминаниях» он напишет: «Радостными праздниками были для меня поездки в наше Орловское имение Царёвку...». Сюда он приезжал с матерью в конце мая и оставался до осени. Он подробно описывает, как на лошадях ехали от Ельца. С восторгом говорит о полях ароматной ржи, дышащей мёдом гречихи. О журчании в оврагах ручьёв, криках коростелей, столах лягушек. О том, как осторожно спускались к мельничной плотине, где таинственно поблёскивала заснувшая река...

Отец начал обучать Сергея верховой езде с пятилетнего возраста и через несколько лет тот прекрасно держался в седле и не боялся самых диких лошадей. Ко времени проживания в Царёвке Сергей уже был искусным наездником, у него были собственные лошади, за которыми сам ухаживал. С сельскими мальчишками, объезжая поля, часто ездили ночью: «...лунный свет ложился

косыми полосами – мы неслись по оврагу среди тёмных росистых кустов, и казалось, что несёшься вдоль пропастей и индийских джунглей...». Он особенно любил пору уборки хлебов, когда с рассветом тянулись в усадьбу бесконечные подводы со снопами. «Отец дал мне поручение записывать их – мне поставили стол и стул около дерева, а я уже сам прикрепил неизвестно для чего красный флаг и звонок. Ряд подвод представлялся мне длинным товарным поездом, и я – начальником станции. На гумне складывались скирды. Для того, чтобы сложить прочно и правильно, требовалось немалое искусство – были такие специалисты, почтенные мужики, которые особенно хорошо “вывершивали”, то есть делали конусообразную вершину. Гумно представляло целый город – огромные скирды стояли рядами, между ними образовывались улицы и переулки. В пожарном отношении было очень опасно, поэтому ночью гумно усиленно охраняли три сторожа, перекликавшиеся между собой свистками».

Царёвское имение, благодаря усилиям Никифора Ивановича, заняло первое место в Елецком уезде. Грамотный подход к земледелию и животноводству, внимательный учёт, хорошие отношения с крестьянами, забота о них, строительство школы в Жерновном – соседнем крупном селе – всё это характеризовало барина как хорошего хозяина. Управляющим в то время был воронежский мещанин Сергей Иванович Волков. Не имея специального образования, он был талантливым агрономом, животноводом и тонким политиком в отношении с крестьянами. «... Вместе с тем, – строки из «Воспоминаний» – более хитрого жулика нельзя было себе представить: он никогда не попадался. Отец говорил мне: “Конечно досадно, что Сергей Иванович крадёт, но он делает это в таком небольшом количестве, и в то же время так искусен во всех сельскохозяйственных делах, что не стоит обращать на это внимание”».

Летом 1893 года в Царёвке собралась вся семья. Замужние дочери Вера и Ольга приехали с мужьями – полковником Каменским и подполковником Скандовым. В это же лето там гостили друзья Сергея – Юрий Готье и Владимир Репман. Лучшим развлечением тогда была верховая езда. Сергей с друзьями и его сестра Вера Никифоровна совершали далёкие прогулки, иногда более трёхсот вёрст. К сёдлам пристраивали кожаные сумы с продовольствием, лекарствами, надувными подушками, одеялами. Останавливались в деревнях и сёлах у крестьян, а порой и в поле или перелеске, разводили костёр, жарили на нём мясо. «Я до сих пор помню

волшебное очарование этих ночей, особенно когда светила яркая луна... Тишина, только хрустели лошади, жуя траву. Далеко в болоте, стонала выпь, и над нами бесшумно реяли летучие мыши...».

Тогда, в этих поездках, Сергей впервые начал собирать русские народные песни, которые им охотно пели крестьяне в деревнях. Записывал мелодии, услышанные от нищих у стен монастыря Тихона Задонского. От стариков-слепцов, игравших на бандурах (странствующие украинцы), он услышал интересные, очень старинные мелодии. Времени хватало на всё, в том числе и на занятия музыкой. Огромную пользу и знакомство с новыми сочинениями, принесла игра в четыре руки с сестрой Верой.

Возможно к этому периоду – лету 1893 года – относится живописная миниатюра, написанная старшей сестрой Верой Никифоровной. Изображён помещичий дом с окружающим пейзажем. Гармония, уют, единение с природой дают особое звучание запечатлённому уголку родной земли. Работа эта сейчас находится в экспозиции Долгоруковского музея.

Вглядываясь в удивительным образом сохранившиеся виды Царёвки, невольно вспоминаешь воспоминания С.Н.Василенко: «Большой двухэтажный дом в quasi-мавританском стиле, с решётчатыми балконами стоял на горе. Вокруг росли пирамидальные тополя. С одной стороны к дому примыкал тенистый фруктовый сад, с другой – обширный парк с трёхсотлетними дубами. Лесистыми террасами спускались откосы к полноводной запруженной реке».

Путь к музыке. Маленького Сергея, по обычаям дворянских семей, с детства пытались обучать игре на фортепиано, но... из этого ничего не вышло. Более того, став воспитанником детского сада, он гордо заявил: «Теперь я – “гимназист” и не хочу учиться музыке». Осенью 1882 года Сергей поступил в одну из лучших гимназий Москвы – гимназию Креймана. Если до этого мальчик рос застенчивым, диким, достаточно хилым и избалованным, то, через пару месяцев обучения его было не узнать. Режим, дисциплина, новые товарищи, к шалостям и проделкам которых Сергей быстро приобщился, заметно изменили его, говоря современным языком – социально адаптировали. Учился старательно, добивался успехов во многих дисциплинах. Лишь математика была для Серёжи «тяжким кошмаром». Улучшить ситуацию не помогали даже репетиторы.

Будучи натурой увлекающейся, Сергей периодически углублялся в те или иные науки. Отец всячески поощрял увлечения сына

и покупал для этого нужные книги, приборы, даже выписывал их из-за границы. Сначала это была химия. Но её постижения ограничивались изготовлением фейерверков, маленьких ракет, огненных колёс, фугасных ящичков. Сергей с друзьями приносили свои изобретения в школу, выскользнув незаметно с урока, расставляли всё это в рекреационном зале, и успевали вернуться за парту. Через некоторое время всё начинало взрываться, взлетать, вертеться. Поднималась ужасная суматоха, в залу с грохотом и визгом неслись ученики, появлялись учителя, начальство, уроки срывались. Как ни странно, но виновников не находили. Углубляясь в химию, Сергей с другом однажды чуть не сжёг свою квартиру.

Затем интерес изменялся: «Из-за увлечения естествоведением мои две комнаты были наполнены живыми морскими свинками, мышами, сурками, птицами... Всё это орало, пищало, визжало. Воздух в комнате стоял ужасный. Пол был испорчен...».

И вот новое увлечение. Учитель Штенберг, преподававший акустику, принёс в класс кларнет и показал ученикам разные высоты тонов. Придя домой, Сергей попросил отца учить его на кларнете и трубе. Немедленно были приобретены инструменты и приглашены учителя. Да не какие-нибудь: ефрейтор из Александровского военного училища по трубе и профессор Фридрих из консерватории – по кларнету. «Мои домашние, только вздохнувшие от опасности пожара и от грязи, создаваемой моими животными, стали изнывать от воплей трубы и “гусиных” звуков кларнета». Однако о серьёзном отношении к музыке в ту пору не было и речи.

Осенью 1886 года Сергей заболел дифтеритом. Болезнь продолжалась недолго, форма была лёгкая. Но, как это нередко бывает, осложнения оказались коварнее самого заболевания. По состоянию здоровья пришлось остаться на второй год в четвёртом классе. По этой же причине лето 1887 года с расчётом на курортное лечение он провёл у сестры Веры, которая к тому времени была замужем и жила в Варшаве. Пожалуй, это единственное лето детства и юности, в которое Сергей не был в Царёвке. Именно Вера, став на время учителем для брата, смогла пробудить тяготение к музыке, проявив незаурядные педагогические способности. Она была отличной пианисткой и талантливой художницей – ученица В.Е. Маковского. Эти уроки игры на фортепиано стали началом большого музыкального пути.

В Москве отец, как обычно, с одобрением воспринял новое увлечение сына и пригласил для занятий лучшего педагога Москвы того времени Ричарда Ноха. Сергей занимался успешно и с увле-

чением. Через два года Ноха не стало, но занятия продолжились. С юным дарованием стал заниматься сам Александр Тихонович Гречанинов, тогда ещё ученик консерватории. Помимо игры на фортепиано, изучалась теория музыки, сольфеджио, гармония, инструментовка. Упорные занятия помогли Сергею Василенко в выпускном классе гимназии написать музыку к древнегреческой пьесе Еврипида «Альцеста». Пьеса с его музыкой была поставлена и имела успех. Несмотря на явные достижения в музыке, отец настоял, чтобы Сергей выбрал иную стезю. Он сказал: «Подумай хорошенько: пианист из тебя не получится, ты поздно начал, а композитор – выйдет ли – неизвестно. Прежде всего, нужно обеспечить себе кусок хлеба...». Поэтому в 1891 году Сергей поступил на юридический факультет Московского университета, хотя не менее усердно продолжил заниматься музыкой. Впоследствии отец одобрил желание сына сменить юридическую карьеру на музыкальную, но услышать его музыку Никифор Иванович не успел. Он ушёл из жизни, когда Сергей был студентом четвёртого курса юридического факультета.

Годы студенчества. Университетские годы (1891 – 1896) дали Василенко много новых впечатлений и встреч. Здесь он навсегда вошёл в среду высокообразованных людей – московских учёных, историков, филологов, обрёл истинных друзей, что повлияло на его духовное развитие. Студенту юридического факультета Сергею Василенко больше всего приглянулась судебная медицина. Он так увлёкся ею, что его прочили в профессора. И только могучая сила музыки не дала нам ещё одного профессора судебной медицины. Сергей активно играет в университетском симфоническом оркестре (гобой, тромбон), становится помощником дирижёра. В круг его близкого общения входят композиторы, дирижёры, педагоги, общественные деятели: Сергей Танеев, Антон Аренский, Александр Спендиаров, Александр Глазунов, Анатолий Лядов, русский лирический тенор Леонид Собинов. Эти великие имена как бы составляли ареол для главной музыкальной вершины – Петра Ильича Чайковского. Первая встреча с Чайковским состоялась у Василенко в Дворянском собрании, где Пётр Ильич дирижировал оркестром. Вторая – на квартире С.И.Танеева в ноябре 1892 года. Из «Воспоминаний»: «...Подняв глаза на вошедшего, я обомлел: передо мной стояло моё божество, мой кумир – Пётр Ильич Чайковский... Мы познакомились. Бесконечно любезный и обаятельный, Пётр Ильич расспрашивал меня про университет. Узнав, что я занимаюсь музыкой и сочиняю, просил что-нибудь сыграть...».

В октябре 1895 года, ещё являясь студентом выпускного курса юридического факультета, С.Н.Василенко уже после волны вступительных экзаменов подаёт заявление директору консерватории В.И.Сафонову с просьбой о зачислении его учеником консерватории. Зная, что Сафонов знаком с его прежними сочинениями и имея на руках клавир своей первой симфонической поэмы «Три побоища» (на текст А.К.Толстого), он надеялся на исключение из правил. Оценив удачный выбор звука в клавире, Сафонов предположил, что Василенко будет отлично инструментовать. Он зачислил юношу в класс контрапункта С.И.Танеева, действительно в виде исключения! Предположения оправдались и, вскоре, Василенко стал гордостью и надеждой консерватории. Его однокурсником был Р.М. Глиэр – впоследствии, выдающийся композитор, дирижер, педагог.

Учёба в консерватории была очень напряжённой. Помимо теории контрапункта занимался в симфоническом оркестре и в хоре при консерватории. Общение с Н.А. Римским-Корсаковым, С.В. Рахманиновым тоже было учёбой. В хоре, где Сергею поручалось дирижирование, солисткой была Антонина Васильевна Нежданова. Знаменательно знакомство с художником Михаилом Врубелем. В то время творчество Врубеля многие отвергали, а Сергея волновал и увлекал авангардизм этого удивительного художника, его композиционно колористический вызов. Василенко и сам желал такого проявления в музыке.

Поиски исконно русского колорита привели Василенко к музыке старообрядческой церкви. Крупнейший теоретик старообрядчества профессор С.В. Смоленский помог Сергею в освоении крюковой церковной музыки. Василенко полулегально проникал в старообрядческие церкви Москвы, чтобы слушать и записывать крюковую музыку. Эта увлечённость старообрядческим колоритом приведёт к тому, что дипломная работа Сергея Василенко, «Сказание о граде великом Китеже и тихом озере Светояре» станет заметным явлением русской музыкальной культуры. Только очень непросто создавался «Китеж», требуя титанического труда, отнимая время от сна и отдыха. Доведённый до нервного истощения, в апреле 1901 года Василенко вместе со своим другом Юрием Сахновским приезжает в Царёвку. Природа любимого уголка земли давала силы и вдохновение. И здесь – снова дни и ночи работа над «Китежем». Партитура составляла более трехсот страниц.

15 мая 1901 года экзамен... «Китеж» исполняли на двух роялях. Первую партию играл Александр Гольденвейзер, а вторую – сам Сергей. Итог: Диплом I степени, золотая медаль – эти самые

высшие отличия для оканчивающих консерваторию, – получает Сергей Василенко.

Семейные узы. Радостный период успешного окончания консерватории совпал с большими переживаниями в личной жизни. Сергеем около тридцати, а Анна едва достигла совершеннолетия. Она – девочка из крестьянской семьи – с двенадцатилетнего возраста жила в доме Василенко в качестве воспитанницы матери. Здесь она получила азы грамотности, даже слегка говорила по-французски. Сергей был увлечён прелестью и простотой Анны Прокофьевны. Через год общения Анна ждала ребенка. Сергей перевёз её для родов в Серпухов. Вернувшись в Москву с сыном, она жила в снятой Сергеем для неё комнате. Обстановка всё более усложнялась. Сергей не любил Анну, но продолжал о ней заботиться. Со временем всё рассказал матери, эта ситуация ввергла её в шок. Строки из «Воспоминаний»: «Начались у меня жестокие и кошмарные дни. От близких людей и знакомых я скрывал свою жизнь. Мамашу я видел постоянно в слезах и расстроенную. Это надрывало мне сердце, но я старался вида не показывать... Наконец, измученный всем этим, я обвенчался с Анной Прокофьевной, нанял маленькую трёхкомнатную квартиру в Брюсовом переулке и переехал туда от мамы». Через год мать признала этот брак.

Сергей будет изо всех сил стараться поднять Анну до высот грамотности и культуры. Будут многочисленные совместные путешествия в Италию, Францию, Германию, Австрию, Грецию, будут совместные гастрольные поездки по России, встречи с мировыми величинами культуры. Только для Анны Прокофьевны ближе будет другая жизнь, лечение травами крестьян и общение с людьми своего круга. Она отдалялась от Сергея Никифоровича и всех его друзей, говоря, что они ей неинтересны. Дома он чувствовал себя одиноким и брошенным. В таком напряжении прошли почти десять лет брака.

И вот, впервые в жизни, то ли в награду, то ли в наказание, в его душе возникает сильное чувство к женщине,... которая является женой его лучшего друга Сергея Константиновича Шамбинаго. Чувства оказались взаимными. «Как это могло произойти? Ведь в продолжение длинного ряда лет мы находились с Т.А. в самых дружественных отношениях – ни о какой любви не могло быть и речи. Татьяна Алексеевна состояла необходимейшим членом моей семьи. Нужно ли было позвать врача к заболевшему ребёнку, посоветоваться для устройства обеда для иностранных артистов, выбрать скатерть, достать няньку... во всех вопросах обращались,

прежде всего, к Татьяне Алексеевне. Она была домашним добрым духом нашей семьи. Все мы с давних пор были на “ты”. И вот в первый раз серьёзно я сказал ей по телефону: “Я Вас люблю”. На это последовало долгое, смущённое молчание...». Длительная дружба с Татьяной Шамбинаго как-то незаметно перешла в пламенную взаимную любовь. «Для меня начались восхитительные дни непрерывной радости, бесконечных волнений и того неизъяснимого счастья, от которого останавливается сердце и холодеют руки». На протяжении нескольких лет эта любовь была тайной.

Сергей Никифорович всё же развёлся с первой женой в 1918 году. В начале 20-х годов образовал семейный союз с Татьяной Алексеевной Шамбинаго, после её развода с Сергеем Константиновичем. В счастливом браке они проживут более двадцати лет до её ухода из жизни.

В 1911 году Татьяна Алексеевна с дочерью Леночкой Шамбинаго гостила в Царёвке. Местные жители приняли её с уважением. В «Воспоминаниях», кстати, посвящённых памяти Татьяны Алексеевны, автор пишет: «Я старался изо всех сил, чтобы мои гости не заскучили. Сначала показал своё хозяйство: порядочное количество лошадей, рогатого скота, свиней, овец, птицы. С Татьяной катались ночами на лодке, зажигали костёр у “Гремячика”, пекли картошку. В Царёвке Татьяна Алексеевна всех очаровала». Именно к этому периоду относятся редкие фотографии, хранящиеся в Долгоруковском музея.

Самое удивительное во всех этих семейных хитросплетениях то, что профессор филологии Сергей Константинович Шамбинаго, первый муж Татьяны Алексеевны, и профессор музыки Сергей Никифорович Василенко были всю жизнь и до глубокой старости остались лучшими друзьями. Любовь С.Н.Василенко к Т.А.Шамбинаго заметно отразилась на творчестве композитора. Музыковед Т.Н.Ливанова пишет: «...большая любовь, которая осветила всё его существование, помогла его искусству просветлеть, приблизится к земле и природе, и непосредственно отразилась в содержании Второй симфонии». Эту симфонию он посвятил Татьяне Шамбинаго.

«Я композитор, а не помещик...» К тридцатилетию Василенко, всецело погружившись в музыкальное искусство, не хотел тратить время и силы на другое. Давно распрощавшись с юридическим миром, он решил снять с себя и бремя землевладельца, редко бывал на заседаниях Земской управы в Ельце. Посещая дворянские выборы в Орле, утверждался во мнении, что, хотя

крепостное право давно уничтожено, наглое и подлое обращение с крестьянами, их обман и нещадная эксплуатация продолжают, резко отзываясь о местных высокородных помещиках. В 1904 году, ни с кем не посоветовавшись, продал землю, весь скот и инвентарь своим же крестьянам по доступной цене с длительной рассрочкой. Это вызвало огромное недовольство представителей дворянства. Его высшие представители посетили Сергея

*С.Н. Василенко с
Леночкой Шамбинаго.*

Татьяна и Лена Шамбинаго в Царёвке 1911 год.

Никифоровича в Москве с предложением изменить столь абсурдное решение, но тот был непреклонен. «Я композитор, а не помещик. и своего решения менять не намерен». Из всего имения он оставил себе небольшой участок, на котором размещался дом, флигель, несколько хозяйственных построек и плодовый сад, отданный в аренду крестьянам.

Более точный перечень строений усадьбы приводится в статье А.Ю. Клокова в книге «Усадьбы Липецкого края» (2018г.). «Имение в 1910 году было застраховано от пожара. Постройки предварительно оценены: дом смешанный, крыт железом, стоимость 15 тыс.руб., флигель деревянный 1 500 руб., каретный

сарай деревянный 1 500 руб., контора деревянная 2 275 руб., скотный двор каменный, крыт соломой 7 600 руб., рига смешанная и машины 3 000 руб., мельница деревянная 5 250 руб., толчея 450 руб., две избы и сени 750 руб., дом с пристройками 2 225 руб., сарай, коровник, свиарник 240 руб.» (стр.161). «Освободившись от забот по хозяйству, я начал усиленно дирижировать симфоническими концертами. После нескольких моих выступлений в Москве меня стали приглашать в разные города России, где только имелся мало-мальски порядочный симфонический оркестр».

Музыку Василенко слышал во всём: в бескрайнем просторе полей и свете луны, в запахах солнечного утра и шуме бьющего из-под камней родника. Она звучала в древних былинах и сказаниях, в полотнах великих художников, в красоте движений... Его музыкальная мысль, тонко развитое чувство колорита, владение средствами музыкального воплощения позволяло воедино соединять зримый и осязаемый мир, глубокие впечатления, дух истории и создавать свое, преломленное через чувства неповторимое звучание. : «...в Царёвке прошли все годы моей юности. С самого раннего детства я находился под влиянием природы: только природа способствовала образованию моего характера, а позднее – проявлению моих музыкальных способностей». В общении с природой он находил удивительную гармонию, которая проникала в его душу, будоражила чувства и воплощалась в мелодию: глубокую, разную, красивую!

Творческий путь композитора охватывает более чем шестидесятилетний период. Хотя большее количество произведений были написаны после 1917 года, его творческая индивидуальность сложилась ещё в дореволюционные годы. Наследие С.Н. Василенко огромно: шесть опер, балеты, симфонии и концерты, сюиты и вариации, пьесы, вальсы, романсы, музыка к кинофильмам... Чтобы взяться за

раскрытие каких-либо музыкальных тем, нужно было погрузиться в глубины исторических, литературных знаний, черпать их из фолиантов, написанных на нескольких языках. Затем он скрупулезно изучал музыкальные первоисточники, подлинники. Не зря его называли композитор-энциклопедист. Кроме того, им написано учебное пособие для консерваторий «Инструментовка для симфонического оркестра» в двух томах, «Страницы воспоминаний», ряд статей. За годы работы в Московской консерватории (1901 – 1956 гг.) воспитал ряд известных музыкантов, среди которых автор музыки гимна СССР Александр Александров, народный артист СССР Николай Голованов, выдающийся композитор, автор музыки Государственного гимна Армянской ССР – Арам Хачатурян и др.

И весь этот музыкальный потенциал имеет прямое отношение к теперь уже Липецкой области, Долгоруковскому району и потерявшейся среди полей и перелесков, удалённой от больших сел, городов и дорог живописной и родной Царёвке.

Ходит легенда, что Василенко, покинувший своё имение после революции 1917 года, возвращался сюда тайно, уже будучи в почтенном возрасте. Переодевшись в крестьянскую одежду, он с трудом, но пришёл к своим с детства знакомым тропам, родникам, к своей духовной Родине. Понимая, что жизнь не может продолжаться вечно, перед уходом хотел ещё раз увидеть ту землю, которую очень любил! Сергей Никифорович Василенко скончался в возрасте 83-х лет. С.Н. Василенко похоронен на Введенском кладбище в Москве. Это был внезапный уход, которого никто не ожидал... Работал он до самых последних дней, а в планах ещё было много не свершившегося.

Усадьба и в советское время оставалась ухоженной. В ней было организовано так называемое «культурное имение». Усадьбу специально никто не рушил, только время.

Имение безвозвратно утрачено..., но осталась добрая память и музыка С.Н. Василенко, которая звучит поныне!..

Март 2022 г.

Липецкая область,

Долгоруково Долгоруковский краеведческий музей.

Все фото из фондов Долгоруковского краеведческого музея.